

В. КАГАЛЬНИЦКИЙ,
капитан третьего ранга в отставке,
член Союза журналистов СССР.

Возвращенная земля

Автор этих записок — бывший морской пограничник, капитан третьего ранга в отставке Владимир Григорьевич Кагальницкий. Во время Великой Отечественной войны он вместе со своими товарищами нес нелегкую службу по охране Государственной границы, которая в то время пересекала, словно шрам, исконно русскую землю — остров Сахалин — на две части.

«Больше четырех лет, — пишет ветеран, — мне пришлось смотреть на юг Сахалина через пограничную полосу. 50-я параллель была той невидимой чертой, за которой был чужой мир, чужая жизнь. Осенью 1945 года историческая несправедливость была исправлена, Сахалин вновь полностью стал советским. Когда это произошло, мы поняли вдруг, невольно ощутили, что все эти годы верили — придет день, когда Родине будут возвращены по праву принадлежащие ей земли...».

Записки бывшего пограничника — это не рассказ о боях за освобождение Южного Сахалина от японских захватчиков, не репортаж с места боевых действий. Это скорее отрывочные дневниковые заметки об отдельных событиях той поры, людях, приметах того далекого времени...

Наш корабль «ПК-65» нес службу по охране границы в районе 50-й параллели. Татарский пролив «отдыхал» после пронесшегося шторма. Внезапно из-за огромной скалы, торчащей среди моря и прозванной местными жителями Коврижкой, показалось темно-серое судно, идущее на север. Оно шло по кромке наших территориальных вод, тщательно огибая их невидимые пределы. Когда сблизилась, увидели флаг Страны восходящего солнца. Подняли сигнал-запрос по международному своду о пункте назначения. В ответ — молчание. Безлюдная палуба, компас на мостике зачехлен, «Кайсю-мару», — прочитал я в бинокль. Пока гадали, зачем пожаловал «японец», на судне распахнулась рубочная дверь, и на крыло мостика выскочил сигнальщик. «Следую в Александровск» — отмахал он ответ сигнальными флажками.

Шел 1944-й год, в Александровске еще находилось японское консульство, были концессии в Дуэ и Катангли. Позже мы узнали, что «Кайсю-мару» пришло в Александровск за персоналом консульства. Прикрыли тогда и консульство, и концессии. Наконец-то исчез из Александровского ковша и концессионный катер, отиравшийся здесь не столько в ожидании пассажиров, сколько шпионивший за портом.

А вскоре Александровск посетил уполномоченный Государственного Комитета Оборона контр-адмирал Папанин. И мы, хотя об этом и не говорилось, поняли — назревают важные события...

...Прошел год. На Южном Сахалине шли жестокие бои с японскими милитаристами. Моему кораблю было поручено сопровождать с материка пароход «Иттельмен» со стрелковой бригадой для прочесывания западного побережья. А в это время «ПК-65» моего напарника по звену старшего лейтенанта Криворучко выполнял особую задачу — в составе десантного отряда северной Тихоокеанской флотилии он участвовал в операции по штурму одного из портов на юге острова.

Высадка десанта проходила непосредственно на пирс порта под прицельным огнем крупнокалиберных пулеметов, установленных на чердаках пакгаузов. Отчаянную храбрость проявил при подавлении огневых точек врага командир носового орудия с корабля моего товарища старшина 2-й статьи Кожухарь — славный, веселый одессит, всеобщий любимец.

Жалею, что мне не пришлось участвовать в набеговой операции кораблей нашего дивизиона на гавань, которая была расположена недалеко от границы. А очень хотелось посчитаться с захватчиками, много они нам крови попортили во время несения пограничной службы. Но на войне, как говорится, задачу не выбирают. Бой здесь жаркий был, смертельный. Сводному батальону воинов Советской Армии и пограничников пришлось штурмовать в невыгодных условиях — по обратному открытому скату высоты. В минуту заминки во весь рост с призывным кличем поднялся капитан-разведчик Тельнов. Пулеметная очередь скосила героя, но бойцы уже ринулись вперед лавиной. Коренастый, в кожаном реглане, с белым шелковым шарфом на шее, с доброй улыбкой — таким запомнился капитан Тельнов, человек, презревший смерть.

Не забыть и моего друга — командира дивизиона Виталия Зайченко. В самые опасные минуты он не покидал мостика, всегда был примером для подчиненных.

...Вспоминаю, как солдаты с парохода «Иттельмен» деловито и уверенно готовились к бою. Летели за борт пустые ящики от патронов, гранат, другие ненужные вещи. Опытные фронтовики знали: в наступлении при себе должно быть побольше боеприпасов. А они собирались только наступать, до полной победы. В которой никто из нас не сомневался.

.. Сейчас в том месте, где сорок один год назад высаживали мы десант, встречают мирные суда, входящие в Холмский порт, могучие порталные краны. И не узнать в современном красавце Холмске тот город 1945 года.

А я его вспоминаю таким: пустынные улицы, а на домах — красные флаги. И уже движутся цепочкой, со скарбом на велосипедных тележках, местные жители. Они-то думали, что русские не пощадят никого, даже грудных детей убивают. Так запугивала простых японцев милитаристская пропаганда. Возвращаются с сопок, из распадков, где пережидали окончание боев. Многие уже соорудили из бамбучин древки, привязали к ним красную материю, у других на руках красные повязки.

...Остался в памяти и такой довольно забавный случай. Только ступил на причал, окружили японские ребятишки, дети докеров. Все с красными повязками. У ребят в руках блокнотики: старательно выговаривают и записывают подхваченные на лету русские слова. И — для нас — переводят

на японский. Подумалось, хорошо бы, если бы на всю жизнь запомнили эти ребятишки наши встречи. Когда советские моряки угощали их сахаром и свежим белым хлебом. Когда так доверчиво смотрели на нас детские глаза!

...Зашел в москательную лавку. На прилавке разная бытовая мелочь и какие-то книжки. Взял одну: русско-японский разговорник. Все обращения — только в повелительном тоне. Видно, хозяин не успел сообразить, что на такой товар спроса больше не будет. С этим «словарным запасом» думали японские милитаристы пожаловать к нам. Не вышло.

.. На военных путях - дорогах часто происходят неожиданные встречи. В Холмске нежданно-негаданно встретился с Ваней Усенко, с которым в 1934 году плавал на красавице – баркантине. Сейчас Ваня пришел в Холмск старшим помощником капитана на большом океанском судне «Перекоп», чтобы вскоре выйти в море, имея на борту более двух тысяч солдат и офицеров плененной императорской армии.

Помню одного из пленных— майора с разноцветьем орденских ленточек на груди — весь Тихий океан «завоевал». Щурил майор узкие глаза в пространство. О чем думал?

И еще встретился мне бывший сосед по каюте Коля Кирпа, с ним в 1936 году ходили матросами в «загранку» на танкере «Союз водников». Оказался Коля командиром «БДБ» — быстроходной десантной баржи.

...Поздняя осень 1945 года. Иду по улицам Южно-Сахалинска. Большое длинное здание — госпиталь. Из окон выглядывают ребята, многие в бинтах. И в палисаднике полно солдат в больничных пижамах, на костылях, с руками на перевязи, веселых и грустных, молодых и уже в годах. Да, обильно полита кровью сахалинская земля. Короткой была война, но немало русских людей полегло в боях за возвращение Родине её земли.

...Прошло четыре десятилетия. До неузнаваемости изменился Сахалин. Остров первопроходцев, борцов, тружеников, героев. Навеки советская земля. И только шрам пятидесятой параллели, как старая рана, не дает забыть того, что забвению не подлежит...